

Е.Г. Сойни (Петрозаводск, Россия)

Экологическая эстетика в поэзии Финляндии XX–XXI веков¹

Аннотация: Статья посвящена вопросам экологической эстетики в финской поэзии XX в. Рассматривается эволюция основных положений в экологическом мировоззрении поэтов Финляндии, пишущих как на финском, так и на шведском языке, начиная с творчества Эйно Лейно и заканчивая нашими современниками. В результате своих поисков поэты приходят к идее «возвращения на деревья» в переносном и буквальном смысле, к идее полного тождества в отношении к любым явлениям природы.

Ключевые слова: экологическая эстетика, поэзия Финляндии, «возвращение на деревья», тождество

Helena Soini (Petrozavodsk, Russia)

Ecological Aesthetics in the Poetry of Finland of the 20th–21st centuries

Abstract: The article deals with the issues of ecological aesthetics in the Finnish poetry of the 20th century. It comprises the evolution of the main provisions in the ecological worldview of the poets of Finland who write in Finnish and Swedish, from the heritage of Eino Leino to our contemporaries. As a result of their search, poets come to the idea of the “returning to the trees”, the idea of complete identity in relation to any phenomena of nature.

Key words: ecological aesthetics, Finnish poetry, “returning to the trees”, identity

Экологическая эстетика, возникшая во второй половине XX в., быстро вошла во все сферы культуры и науки. Не любование природой, а жизнь во имя природы, не власть над окружающим миром, а его спасение – вот основные тезисы нового философского направления, объединившего гуманитариев и ученых-естественников. В поэзии, концентрирующей смысловый опыт человечества, проблемы экологической эстетики ставились давно и во всех национальных литературах, образы окружающего живого мира всегда были популярны. В финской поэзии экологическая мысль изначально была одной из основных, образы природы в поэзии Финляндии наиболее излюбленны.

---

¹ Статья подготовлена в рамках госзадания Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН Литературы Европейского Севера: проблемы этнопоэтики и компаративистики Номер государственной регистрации: АААА-А18-118030190091-5.

Максим Горький еще в 1917 г. во вступительной статье к каталогу выставки «Современного финского искусства» писал с нескрываемым восхищением: «Казалось бы, что на этой бедной земле нет места прекрасным цветам, что среди серых скал под печальным небом не расцветет душа человека. ... Но человек победил. Его творчество, его труд осуществили почти невозможное»¹. Русский философ и поэт Владимир Соловьев в стихотворении «По дороге в Упсалу» задавался вопросом, почему манит его бедность северной земли:

Где ни взглянешь, – всюду камни,
Только камни да сосна...
Отчего же так близка мне
Эта бедная страна?²

Вл. Соловьев пытался найти ответ и задолго до Горького писал примерно то же самое: Север для него – эта земля, где

...с природой в вечном споре
Человека дух растет
И с бушующего моря
Небесам свой вызов шлет³.

Но в том-то и дело, что герои финских стихотворений пытались не спорить с природой, а обрести гармонию с ней, найти путь к полному тождеству. Взаимоотношение с природой лирических героев поэтов разных направлений непохоже и порой совершенно противоположно. К пейзажной лирике XIX в., к воспеванию природы в поэзии Юхана Рунеберга в начале XX в. добавилось чувство возвышения человека над природой. Особенно это было характерно для финских неоромантиков, создавших образы героев-индивидуалистов. Неоромантический герой помещен в центр мироздания: «В начале было Я»⁴. Но это герой-теург: он не разрушает, а создает окружающий мир. Эйно Лейно обожествляет человека-творца: «Землю пустынную / Дал нам господь, / Мы превратили ее в виноградники»⁵ (пер. Вс. Рождественского).

Вместо антитезы «цивилизация – культура», знакомой нам по поэзии русских символистов, у финских неоромантиков мы встречаем оппозицию «культура – природа». Финские неоромантики Й. Линнанкоски, И. Лехтонен, Э. Лейно, М. Йотуни вообще считали, что именно культура разлучила человека с природой. Э. Лейно в сказке «Окунь и золотые рыбки» («Ahven ja kultakalat») хочет вернуть человека в природу. Главный герой превращается в окуня и считает, что ни в чем не проиграл, ведь люди так плохи, «все их интересы сводятся к пище, что лежит у них на тарелках»⁶. Но, полюбив женщину, окунь-принц снова хочет превратиться в человека. Это не удается, и в итоге растворение в мире природы оборачивается для него трагедией. Как бы ни было велико желание человека уйти от людского мира в мир природы, жизнь человека без людей невозможна. К этому выводу приходят поэты неромантики в результате своих этических исканий.

¹ Горький А.М. [Финляндия] Каталог выставки финского искусства. Петроград, 1917. С. 2–3.

² Соловьев Вл.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.; Л., 1981. С. 96

³ Соловьев Вл.С. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 102.

⁴ Leino E. Minä // Kootut teokset. II. Helsinki, 1929. S. 282. Здесь и далее подстрочные переводы выполнены автором статьи за исключением случаев, оговоренных особо.

⁵ Лейно Э. Избранное / Пер. с фин. М.; Л., 1959. С. 111.

⁶ Leino E. Ahven ja Kultakalat. Helsinki, 1918. S. 110.

Одной из особенностей финского экспрессионизма 1920-х гг. было чувство полной гармонии с явлениями природы. Наиболее ярко это отразилось в поэзии Катри Вала. В первом сборнике – «Далекий сад» – лирическое «я» поэтессы сливается с каждым цветком:

Там дышит молодость моя
счастливая, как цветок
с чистой росинкой в глубине
венчика
и с отражением звезды
в глубине росинки¹.
(Пер. Н. Матвеевой)

От развернутых сравнений Вала переходит к метафорическим, от сходства к полному тождеству, создает метафору, части которой легко взаимозаменяются: «Olin sinulle outo kukka» / «Я была для тебя странным цветком» («Valitus» / «Жалоба»)².

Образ цветка появился у Вала в результате ее работы над переводами китайской поэзии, в которой растения признавались самой нравственной формой живой материи. Цветы – это единственное, к чему хочет вернуться из ссылки герой стихотворения Ли Бо, стихи которого перевела финская поэтесса.

Если все же когда-нибудь
Буду помилован я,
То, вернувшись, займусь
Лишь цветами любимого сада³.
(Пер. А. Гитовича)

Но полное тождество с окружающей природой – это качество поэзии более позднего времени. В чувстве всеравенства Катри Вала ближе к Уолту Уитмену. Она отождествляет себя с разными явлениями природы, называет солнце своим отцом, обращается к земле от имени моря, вбирающего в себя людские сны и страдания. В сборниках «Возвращение» и «Горит дерево с гнездами» Вала создает поэтическую модель нового мира. Это прежде всего мир ребенка, в котором человек и природа едины («Мир ребенка»). В публицистике 1930-х гг. Вала противопоставляет высокую мораль цветка гнилой душе человека, жаждущего денег и власти: В статье «Деревянный конь Одиссея» («Odysseuksen puuhevonen») она пишет: «Цветок – это материя, и насколько он красивее, чем так называемая душа некоторых»⁴. На взгляд поэтессы, «именно преступление против мудрой природы стало причиной безумия общества»⁵.

Экспрессионисты первыми в финской поэзии почувствовали опасность этого преступления. Современник Катри Вала Ууно Кайлас пишет об опасности исчезновения не только растений, но и воздуха:

Воздух отмеряется кубическими дюймами:
Вдохни – и перестань дышать!⁶
(«В Маленькой стране»)

¹ Вала К. Далекий сад: Избранные стихи / Пер. с фин. М., 1966. С. 63. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте, в скобках указываются страницы.

² Vала К. Kootut runot. Porvoo, 1977. S. 245. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте, в скобках указываются страницы.

³ Ли Бо. Избранная лирика. М., 1957. С.94

⁴ Vала К. Odysseuksen puuhevonen // Suorasanaista 30-luvulta ja luvusta. Helsinki, 1981. S. 114.

⁵ Vала К. – R. Palmgrenille. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura Kirjallisuusarkisto (SKS KA). № 355. 45: 1.

⁶ Kailas U. Runoja. Porvoo: WSOY, 1966. S. 87.

Однако природа для Кайласа скорее существует в искусстве, в снах, в воображении, чем в реальности. С морем, пустыней, просторами Лапландии связаны те или иные идеи в его поэзии, но тождества с природой у Кайласа нет. И в этом он стоит в финской экспрессионистской поэзии несколько особняком. «Лес Кайласа – это продолжение сна, в котором он, по мысли Пекки Лоунела, встречается с ужасным образом самого себя, большеглазого... испуганного ребенка. Он соприкасается с природой через книги. Она для него – источник для сравнения»¹.

Беспокойство за состояние природы – одна из главных тем в поэзии Финляндии второй половины XX в. Пентти Саарикоски обозначает еще одну традицию финской лирики с ее интересом к божественному на земле. У него земля – храм, природа – храм. Эва-Лиза Маннер, основоположница экзистенциальной ветви в модернистской поэзии Финляндии, опровергает «вечные истины» бытия с типично финским юмором, через сравнения с животными и растениями:

Я мыслил, но не существовал.
Утверждал, что животные просто
машины.
Я утратил все, кроме разума.
...лошади Эльберфельда,
складывают бегущие числа
умными копытами, а не
головой...
ибо копыта, и тренированные ноги,
и ученое тело
часто знают больше, чем немощные
мозги)².
(«Декарт», пер. Н. Стрижевской)

По мнению Э.Г. Карху, на мировосприятие Эвы-Лизы Маннер оказали влияние идеи немецкого философа-экзистенциалиста М. Хайдеггера, вслед за которым Маннер пишет об опасности науки и техники, приводящей к насилию над природой ради материальных благ. «Весь мир превратился в поле деятельности “субъекта”, переделывающего мир согласно собственным желаниям и даже прихотям»³.

Картезианское ‘*cogito*’ (я мыслю) Маннер вслед за Хайдеггером отвергает, но не просто ставит с ног на голову человеческое существование, а утверждает, что «не мыслить» более достойно:

Скачут быстрые кони
через умирающую Францию
и вбивают копытами тайное знание
в висок Картезия.
Сегодня я с ним заодно⁴.
(Пер. Н. Стрижевской)

С экзистенциалистскими умонастроениями, на взгляд Э.Г. Карху, связаны такие мотивы в лирике поэтессы, как неприязнь к техническому сциентизму; жажда не абстрактно-рационалистического «безличного» знания, бездушно анализирующего мир, а знания «магического», по-человечески озабоченного и сострада-

¹ *Lounela P. Uuno Kailas. Runoilijan tahto // Suomalaisia kirjailijoita. Helsinki, 1982. S. 229*

² *Маннер Э.-Л. Декарт // Поэзия Финляндии. М., 1980. С. 303.*

³ *Руткевич А.М. От Фрейда к Хайдеггеру: Критический очерк экзистенциального психоанализа. М., 1985. С. 40.*

⁴ *Маннер Э.-Л. Декарт // Поэзия Финляндии. М., 1980. С. 303.*

ющего; тяготение к мифологической символике, к «первобытно-магическому» языку, к идеализированным «изначальным», «дометафизическим» и дорационалистическим формам жизни и сознания, когда отношение человека к миру было еще интимным, целостным, по-детски доверительным»¹.

Ристо Ахти, обращаясь к образу коровы, пытается разобраться в ее мыслях:

Корова не спит, несмотря на все премудрости животноводства.
Она говорит: Я не мыслю, значит, я существую².

Поэт приходит к выводу, что мысль существует в природе неявно, присутствуя в пейзаже, в растениях, у животных, в отношениях всего и вся:

Что есть высокая мысль?
– Летняя трава, дерево в цвету³.

В творчестве Ристо Ахти пространственные природные объекты изображены пунктирно. Без подробностей и деталей. Они как отдельные символы, знаки, помогающие читателю проникнуть в художественный мир поэта и в картину внешнего мира. Причем Ахти использует локусы и во временных ориентирах по всему миру:

Мое сердце, оно бьется и колеблется как
море,
Мое сердце, оно шумит как кедровый
лес.
Я могу слышать это дни и
ночи⁴.

В стихотворениях поэта практически нет иных людей, кроме него самого. Его окружают не люди, а природа, скорее даже символы природы из внешнего мира, который значим для лирического героя только потому, что может способствовать созданию поэтических образов, поскольку этот внешний мир состоит из некоторых знаков, исторических и культурных событий времени Ристо Ахти и, может быть, его собеседника. В таком случае и само существование субъекта под именем Ристо Ахти имеет значение только для него самого. Все проблемы, мучительные вопросы о своей жизни замыкаются внутри поэта:

Ты спрашиваешь: Ты удручен?
Я отвечаю: Я поменял депрессию на пустоту. Я был пуст,
Бесцельно⁵.

В этих строках оппозиция *Ты – Я* как у Гегеля «*Я-в-себе-для-себя-бытие*».

Природа, живые существа, даже растения у Ахти сопоставляются с лирическим героем и противопоставляются «злой цивилизации». Контрастно он описывает идею обязательной борьбы, смертельной схватки всего живого с неживым, созданным, произведенным самими людьми для своего «удобства»:

Когда я встречаю себя, стоящим на своих ногах как дерево, я начинаю ронять
непостижимые истины⁶.

Поэт убежден, что его слова понятны «пьяным свиристелям», но понятны ли они людям?

¹ Карху Э.Г. История литературы Финляндии. XX век. Л., 1990. С. 484.

² Ahti R. Ei kukaan. Helsinki, 2007. S. 12.

³ Ahti R. Ei kukaan. S. 50.

⁴ Ahti R. Ei kukaan. S. 34

⁵ Ahti R. Ei kukaan. S. 65

⁶ Там же.

В поэзии Вяйне Кирстиня город подвергается резкой критике как противоречащее не только человеческому существованию, но и божественному замыслу образования. Единственный путь, по мнению поэта, – быть в гармонии с природой. Среди образов природы особенно излюбленным у Кирстиня является образ воды. Вода как связующая, объединяющая, исцеляющая сила:

Veden alta näen
yhteisen maan¹.

Из-под воды вижу
объединенную землю.

Издавна в Финляндии люди разделяли друг друга по отношению к воде на народ моря и народ озер. Кирстиня, без сомнения, ощущает себя человеком моря, его космос «солёный», «покачивающийся на морских волнах»:

Meren keinunta, aaltojen valkeus,
hiustesi sitoma avaruus.
On kuljettava sinne.
Missä taivaanranta ja leveä meri on yhtä².

Дыхание моря, свечение волн
и твои волосы связаны космосом.
Придется идти туда,
где между берегом неба и широким морем
Исчезает граница.

Тойво Лааксо сравнивает любимую с деревом, цветущим зимой «Посреди зимы ты пускаешь побеги, / как сливовое дерево, / тырываешь свой цветочный горшок и / я задыхаюсь от плодов на твоих ветвях»³. У Аале Тюнни дерево священно. Многозначно уже название сборника Тюнни 1952 г. «Неизвестное дерево» («Tunteaton Puu»). Поэтесса, без всякой иронии обращаясь к лесной голубке, просит ее петь и ничего не бояться, ведь птица находится под защитой дерева. У Аале Тюнни дерево сакрально, священно, и, главное, дерево вне времени: «вечен источник вне времени древо»⁴.

Человек, а поэт в особенности, должен вернуться к природе, уверен шведоязычный финский поэт Ларс Хульден, но пишет об этом с некоторым легкомыслием и игривостью, советуя поэту «не спускаться с деревьев», ибо под деревьями он превратится в обычного человека». Хульден с юмором решает проблемы и экологической эстетики, и экологической лингвистики, сравнивая язык с живым деревом, на ветвях которого должен пребывать поэт. В этой метафоре *язык – дерево* заметна аналогия и с мировым деревом, и скандинавским деревом великанов, и финским большим дубом.

Человек когда-то спустился с деревьев.
Тем самым он потерял защищенность...

...

Что является конечной целью нашей?
Возможно, возвращение на деревья?

Жизнь на деревьях дарит поэту язык.

¹ *Kirstinä V. Runoja* 1958–1977. Helsinki: Tammi. 1979. S. 16.

² *Kirstinä V. Runoja* 1958–1977. S. 17.

³ *Laakso T. Sattumien valtakunta*. Otava; Helsinki, 1995.

⁴ *Tynni A. Lyrik aus Finland / Unter der Leitung von I. Schellbach-Kopra*. Helsinki: von Loeper Verlag und SKS, 1985. S. 326

Он живет в языке, как когда-то раньше на ветвях

...

В языке он защищен, как у себя дома, на деревьях.

Прелестно жить и быть одним целым с деревом.

...

Прошу поэта никогда не спускаться с деревьев

Что есть он, когда находится на земле?

Он – червь, как и все, кто живет под деревьями?¹

Под возвращением на деревья следует понимать и стремление современного человека к единству с природой, и реальные поэтические цели одновременно. Возвращение в поэзию высоких идеалов, позитивных чувств – это и есть возвращение на деревья, «вознесение к цветам», говоря языком Катри Вала. Но, с другой стороны, у «возвращения» есть и весьма ироничный подтекст: это возвращение к первобытному состоянию, к примитивному животному образу жизни, путь деградации. Под деревом человек – червь, но и на дереве вряд ли он человек. У Хульдена возвышенное и низменное неразрывно переплетены. В стихотворении «Господин Волк» лирический герой пытается запретить охоту на волков, но при встрече волк сам съедает своего защитника. Поэзия 1980-х изобилует образами рыб, камней и даже крокодилов. Среди животных человек показан несовершенным, это «эмбрион», который согласен, чтобы его «съели». Лирический герой Пера-Хакона Повалса испытывает желание положить «свою эмбриональную голову в челюсти крокодила»². Но в то же время если этот эмбрион-человек сам захочет есть, он согласен на убийство.

«Экологическое» сознание диктует поэтам образы, не встречавшиеся в литературе предшествующих поколений. Если Ахти отождествляет себя с деревом, то Ральф Нордгрэн, пишущий по-шведски отождествляет себя с камнем, через который проложили дорогу. Смысл жизни героя-камня осуществлен: «Я дал место дороге»³. По мнению Нордгрэна, не дерево, а камень в основе всего:

Между нами лежит все остальное.

Мимо нас движется все.

Мы начало координат.

Нас много.

Мы – почти все.

Этим мало сказано о нас⁴.

Камни у Нордгрэна философствуют и даже любят друг друга. Отличием новой поэзии станет отрицание каменных чувств, человека-эмбриона, человека-камня. Лирическая героиня Вильи-Туульи Хуотаринен в «Песнях радостной коровы» («Iloisen lehmän runot») в общении с коровами обретает счастье и смысл существования⁵. В сборнике «Песни радостной коровы» («Iloisen lehmän runot») поэтесса затрагивает актуальную тему общения человека с домашними животными. Ее лирическая героиня «никогда не плакала по ночам / спала в хлеву, прижимаясь щекой к животу коровы»⁶. В общении с коровами героиня обретает спокойное счастье и смысл существования. «В третьем сборнике Вильи-Туульи Хуотаринен

¹ *Hulden L.* Lyrik aus Finland. S. 100.

² *Povals P.-H.* Lyrik aus Finland. S. 220.

³ *Nordgren R.* Lyrik aus Finland. S. 203.

⁴ *Nordgren R.* Lyrik aus Finland. S. 205.

⁵ *Huotarinen V.-T.* Iloisen lehmän runot. H., 2008.

⁶ *Huotarainen V.-T.* Iloisen lehmän runot. H., 2008. Kansi.

форма радости имеет четкие границы, а память равна продолжению коровьего взгляда»¹, – сказано о поэтессе. Для нее

Радость в риге, в амбаре, в землянке,
Радость в хлеву, во сне, в конюшне,
Радость в маслобойке, в стойле, в курятнике.

На обложке следуют благодарности за помощь в издании книги «картошке и яблокам», «птицам и человеку».

В молодой финской поэзии отношения с животными возвеличены, авторы считают эти отношения более искренними и честными, чем отношения людей друг с другом. Анни Ханнинен (род. 1958) часто использует образы цветов, солнца, воды. Цветы в ее стихотворениях эволюционируют – рождаются, умирают и вновь рождаются, образуя пульсирующий огонь жизни. Ханнинен ведет диалог с ранней Вала, используя многоцветный язык и экспрессию. Хелена Анхава перекликается с Вала в поэтических циклах о детях. «Для природы человек – чужд, – пишет поэтесса. – У человеческого детеныша тонкая кожа, а не перья и не шерстка / мне его надо защитить, сохранить, уберечь!»² Поэтесса оставляет человеку место в природе, но и природа должна защищать человека, считает она. Человек в не меньшей опасности, чем природа. Экологическая катастрофа – общая беда. В этой беде животные, растения, люди не разделены. Это ощутимо в финской поэзии последних лет, передано с болью, волнением, а иногда с сарказмом:

Вряд ли я встречу кого-то в это время на этом шоссе,
Подумал лось³, –

пишет Туомо Хейккинен, не разделяя «людей и зверей». Ээро Сувилехто благословляет животных: «ведь мы – это они!»⁴ – утверждает он. Лирический герой Т. Хейккинена пытается защитить бабочку от дуновения жизни. Но кто защитит человека?

Тут и там висят на каждой елке плакаты с надписью: «Нельзя! Нельзя! Не суйся!»
Так иссякает всякая надежда, и в суете сует восторг тускнеет. И все, что остается человеку, – наручники, запреты и оковы⁵.

(Пер. Я. Жемойтелите)

Хейккинену вторит поэтесса из Оулу Хели Слунга. Из правил жизни исчезает сама жизнь, естественное уступает место механическому, тотальный контроль приводит к потере человеческой воли.

Нам даны только общие инструкции,
мы – печальные механические куклы под мокрым снегом:
Не пей, ешь, работай
и помни, что за тобой следят!⁶

¹ [Ilman tekija] *Huotarainen V.-T. Iloisen lehmän runot.* kansi.

² *Anhava H. Vuorosanoja.* Helsinki, 1973. S. 289

³ *Хейккинен Т. Шоссе 899 // В чужих глазах твой замечаю образ: Сб. переводов поэтов губернии Оулу, Финляндия / Пер. Я. Жемойтелите: avtor.karelia.ru/elbibl/fin_sbornik/fin_sbornik.pdf* (стр. 13).

⁴ *Сувилехто Е. VI Вороны у врат Сейдисфьорда // В чужих глазах твой замечаю образ: Сб. переводов поэтов губернии Оулу, Финляндия* (стр. 30).

⁵ *Хейккинен Т. Бердин II // В чужих глазах твой замечаю образ: Сб. переводов поэтов губернии Оулу, Финляндия* (стр. 15).

⁶ *Слунга Х. Проблемы // В чужих глазах твой замечаю образ: Сб. переводов поэтов губернии Оулу, Финляндия* (стр. 8).

Но к беде человека равнодушны утки и жаворонки: «уток не волнует однозначно рост цен на землю и зерно, пожары»¹.

Природа и человек нуждаются в диалоге, в разговоре на равных – такой вывод читается в экологических стихотворениях финских поэтов начала XXI в.

Только в общении с природой, в заботе о ней, в единстве с ней лирический герой финской поэзии сможет обрести смысл своего существования.

ЛИТЕРАТУРА

Вала К. Далекий сад: Избранные стихи / Пер. с фин. М., 1966. 247 с.: ил.

В чужих глазах твой замечая образ: Сборник переводов поэтов губернии Оулу, Финляндия / Пер. Я. Жемойтелите: avtor.karelia.ru/elbibl/fin_sbormik/fin_sbormik.pdf

Горький А.М. [Финляндия] // Каталог выставки финского искусства. Петроград, 1917. С. 2–3.

Карху Э.Г. История литературы Финляндии. XX век. Л.: Наука, 1990. 606, [1] с.: ил.

Лейно Э. Избранное / Пер. с фин. М.; Л., 1959. 279 с.

Ли Бо. Избранная лирика. М., 1957. 175 с.

Маннер Э.-Л. Декарт // Поэзия Финляндии. М.: Прогресс, 1980. С. 303.

Руткевич А.М. От Фрейда к Хайдеггеру: Критический очерк экзистенциального психоанализа. М., 1985. 175 с.

Соловьев Вл.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Советский писатель, 1974. 350 с.

Ahti R. Ei kukaan. Helsinki: WSOY, 2007. 67 s.

Anhava H. Vuorosanoja. Helsinki, 1973. 110 s.

Huotarinen V.-T. Iloisen lehmän runot. Helsinki, 2009. 69 s.

Kailas U. Runoja. Porvoo: WSOY, 1966. 260 s.

Kirstinä V. Runoja 1958–1977. Helsinki: Tammi. 1979. 294 s.

Laakso T. Sattumien valtakunta. Otava; Helsinki, 1995. 86 s.

Leino E. Ahven ja Kultakalat. Helsinki, 1918. 140 s.

Leino E. Minä // Kootut teokset. II. Helsinki, 1929. S. 282–284.

Lounela P. Uuno Kailas. Runoilijan tahto // Suomalaisia kirjailijoita. Helsinki, 1982. S. 227–238.

Lyrik aus Finland / Unter der Leitung von I. Schellbach-Kopra. Helsinki: von Loeper Verlag und SKS, 1985. 382 s.

Vala K. Kootut runot. Porvoo, 1977. 598 s.

Vala K. – R. Palmgrenille. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura Kirjallisuusarkisto (SKS KA). № 355. 45: 1.

Vala K. Suorasanaista 30-luvulta ja luvusta. Helsinki, 1981. 280 s.

REFERENCES

Vala K. (1966) The Far Garden: Selected Poems / Transl. from Finnish. Moscow. 247 p.: ill.

In the Eyes of Others, Noticing Your Image: Collection of Translations of Poets of the Province of Oulu, Finland / Transl. by I. Zhemoytelite: avtor.karelia.ru/elbibl/fin_sbormik/fin_sbormik.pdf

¹ *Хейккинен Т.* Бердин II // В чужих глазах твой замечаю образ: Сб. переводов поэтов губернии Оулу, Финляндия (стр. 15).

- Gorky A.M. [Finland] // Catalogue of the Exhibition of Finnish Art. Petrograd. 1917, pp. 2–3.
- Karhu E.G. (1990) The History of Finnish Literature. The 20th century. Leningrad. Nauka Publ. 606, [1] p.: ill.
- Leino E. (1959) The Selected Works / Transl. from Finnish. Moscow; Leningrad. 279 p.
- Li Bo. (1957) The Selected Poems. Moscow. 175 p.
- Manner E.-L. Decartes. In: Poetry of Finland. Moscow. Progress Publ. 1980, pp. 303.
- Rutkevich A.M. (1985) From Freud to Heidegger: A critical Essay on Existential Psychoanalysis. Moscow. 175 p.
- Solovyov V.I.S. (1974) Poems and Comic Plays. Leningrad. Sovetsky Pisatel Publ. 350 p.
- Ahti R. (2007) Ei kukaan. Helsinki. WSOY. 67 s.
- Anhava H. (1973) Vuorosanoja. Helsinki. 110 s.
- Huotarinen V.-T. (2009) Iloisen lehmän runot. Helsinki. 69 s.
- Kailas U. (1966) Runoja. Porvoo. WSOY. 260 s.
- Kirstinä V. (1979) Runoja 1958–1977. Helsinki. Tammi. 294 s.
- Laakso T. (1995) Sattumien valtakunta. Otava; Helsinki. 86 s.
- Leino E. (1918) Ahven ja Kultakalat. Helsinki. 140 s.
- Leino E. Minä. In: Kootut teokset. II. Helsinki. 1929, ss. 282–284.
- Lounela P. Uuno Kailas. Runoilijan tahto. In: Suomalaisia kirjailijoita. Helsinki. 1982, ss. 227–238.
- Lyrik aus Finland / Unter der Leitung von I. Schellbach-Kopra. Helsinki. von Loeper Verlag und SKS. 1985. 382 s.
- Vala K. (1977) Kootut runot. Porvoo. 598 s.
- Vala K. – R. Palmgrenille. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura Kirjallisuusarkisto (SKS KA). № 355. 45: 1.
- Vala K. (1981) Suorasanaista 30-luvulta ja luvusta. Helsinki. 280 s.

Сведения об авторе:

Елена Григорьевна Сойни,
доктор филол. наук
ведущий научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
(ИЯЛИ КарНЦ РАН)

Helena Soini,
Doctor of Philology
Leading Researcher
Institute of Linguistics, Literature and History of
Karelian Research Centre, RAS

elenasoini@gmail.com